зующихся их доверием, стабилизировался. Для последних комиссионерская деятельность с этого времени становится основным занятием. По сути, они становятся наемными рабочими (приказчиками) более состоятельных купцов.

Факт причастности основной массы фамилий новоторжских купцов к комиссионерской деятельности заставляет по-новому посмотреть на процессы накопления, функционирования и преемственности купеческих капиталов. Верящие письма свидетельствуют, что значительная часть новоторжских купцов вела торговые операции по поручению других купцов, а это значит, что степень преемственности капиталов фактически была ниже цифр, приводимых в литературе.

1. Волков, М. Я. Города Тверской провинции в первой четверти XVIII в. / М. Я. Волков // Историческая география России. XII – начало XX века. – М., 1975. – С. 143–163.
2. Клокман, Ю. Р. Очерки социально-экономической истории городов Северо-Запада России в середине XVIII века / Ю. Р. Клокман. – М., 1960. – 223 с.
3. Клокман, Ю. Р. Социально-экономическая история русского города, вторая половина XVIII в. / Ю. Р. Клокман. – М., 1967. – 335 с.
4. Демкин, А. В. К вопросу о преемственности торговых капиталов второй половины XVII – начала XVIII в.: по материалам верхневолжских городов / А. В. Демкин // История СССР. – 1982. – № 1. – С. 135–141.
5. Демкин, А. В. К вопросу о преемственности торговых капиталов России XVII в.: по материалам г. Торжка / А. В. Демкин // Промышленность и торговля России XVII – XVIII вв. – М., 1983. – С. 168–174.
6. Демкин, А. В. Тверь и Торжок как центры торговли второй половины XVII в. / А. В. Демкин. // Феодализм в России. – М, 1957. – С. 168–174.
7. Демкин, А. В. Русское купечество XVII–XVIII вв.: города Верхневолжья / А. В. Демкин. – М., 1990. – С. 82–86.
8. Сорина, Х. Д. Место Твери и других городов Тверской губернии в волжской водной системе во второй половине XVIII века / Х. Д. Сорина // Из истории Калининской области : ст. и документы. – Калинин, 1960. – С. 78–104.
9. Полное собрание законов Российской империи. – Т.14, № 10486.
10. Государственный архив Тверской области. – Ф. 172. Оп. 2. Д.129, 230, 426, 427, 443, 448, 454, 456, 463, 467, 470, 473, 478, 482, 492.

Киселёв А.А.

СОСТАВ ЧИНОВ ОБЩЕЙ ПОЛИЦИИ ПОЛОЦКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА ПО ДАННЫМ ФОРМУЛЯРНЫХ СПИСКОВ

Формулярные списки являются наиболее информативным массовым источником, который позволяет детально охарактеризовать состав чиновничества. В этой связи представляют интерес данные о составе чинов полиции Полоцкого наместничества, отражающие особенности комплектования местных полицейских учреждений (нижние земские суды и управы благочиния) в период правления Екатерины II. В фондах НИАБ сохранились формулярные списки чинов Полоцкого наместничества за 1783 и 1794 гг. [3; 4].

Уездная полиция была представлена нижними земскими судами, учрежденными 10 января 1778 г. в Могилевском и Полоцком наместничествах [1; 2]. По штату в нижнем земском суде полагалась должность земского капитана или исправника (IX кл.), двух дворянских заседателей (X кл.), секретаря (XIV кл.), двух сельских заседателей. По сословному происхождению все 11 исправников Полоцкого наместничества в 1783 г. были дворянами, но их принадлежность к этому сословию в формулярах выражалась по-разному. В частности, 6 чел. (55 %) использовали термин шляхтич, 3 (27 %) – дворянин, 1 (9 %) – помещик и 1 (9 %) указал, что прежде являлся исправником. При этом 3 чел. (27 %) использовали обозначение «белорусский», 1 чел. (9 %) – «польский». Средний возраст исправников составил 34,8 лет. Только 5 чел. (45,5 %) имели классные чины (4 коллежских секретаря и 1 титулярный советник). Все земские капитаны оказались представителями поместного дворянства, в том числе 5 чел. (45,5 %) являлись мелкопоместными дворянами, за которыми числилось от 21 до 100 души, 4 чел. (36,4 %) имели за собой от 101 до 300 душ, 1 чел. – люцинский исправник Ф. Корницкий – владел 425 душами. В одном случае число крепостных не было указано. Все исправники являлись местными уроженцами. Никто из них не служил в русской армии. Ситуация несколько изменилась спустя 10 лет. Все исправники по-прежнему происходили из дворян, но только 2 (18 %) обозначили себя как шляхтичи. Кроме того, 4 чел. (36,4 %) описали себя как белорусских дворян, 1 отнес себя к «польской» шляхте. Средний возраст лишь незначительно уменьшился и составил 32,9 год. Все исправники по-прежнему оставались помещиками, однако увеличилась доля мелкопоместных владельцев (7 чел. – 63,6 %), владевшими от 1 до 100 рев. душ. Вместе с тем 3 чел. (27,3 %) относились к среднепоместным собственникам, а 1 чел. был крупным помещиком, имевшим 825 душ. Показательно, что среди исправников только 3 чел. обладали чинами, причем только один выслужил чин коллежского секретаря, а двое получили военные чины подпоручика и поручика соответственно, отслужив непродолжительное время в русской армии

В 1783 г. из 22 дворянских заседателей 12 чел. (55 %) определили себя с помощью слов «шляхтич», «шляхетский» и «шляхетства»; 6 чел. (27 %) – как «дворяне» или «дворянство»; 2 чел. (9 %)

использовали в качестве самоидентификации слово «помещик». Еще в одном случае (4,5 %) сведения отсутствовали, а в другом констатировалось, что заседатель не состоял в каком-либо чине. Определение «белорусский» использовалось в 6 случаях (27,3 %), «польский» – в двух (9 %). Все заседатели принадлежали к поместному дворянству, в том числе 13 чел. (59 %) являлись мелкопоместными владельцами, 9 чел. (41 %) – среднепоместными. При этом среди среднепоместных в каждом третьем случае крепостные принадлежали отцу заседателя. Средний возраст заседателей составил 29,5 лет. Никто из них не имел опыта военной службы в русской армии. Только один заседатель служил в военных частях Великого княжества Литовского. До своего избрания на должность заседателя лишь 3 чел. (13,6 %) имели кратковременный опыт государственной службы в нижнем земском суде, дворянской опеке и стряпчим соответственно. Отнюдь неслучайно только 3 чел. (13,6 %) имели классные чины провинциального секретаря (2 чел.) и коллежского регистратора. Все выборные чиновники являлись местными уроженцами. Анализ 22 формулярных списков заседателей за 1794 г. показал ряд изменений по сравнению с данными за 1783 г. Во-первых, заметно уменьшилась доля лиц (4 чел. – 18,2 %), которые для своей сословной самоидентификации использовали понятие шляхта. Во-вторых, незначительно увеличилась доля лиц (32 %), которые использовали при описании сословной принадлежности прилагательное «белорусский». В-третьих, по-прежнему все заседатели относились к помещикам, однако заметно сократилась доля среднепоместных: мелкими помещиками являлись 17 чел. (77 %), а вот помещиков «средней руки» оказалось 3 чел. (14 %), но все они относились к данной категории условно, поскольку во всех трех случаях разделяли владение крепостными, число которых колебалось в диапазоне от 137 до 182 душ, со своим братом или братьями. В двух списках количество рев. душ не указывалось. Незначительно увеличился средний возраст заседателей – 32,6 лет. Количество лиц, выслуживших гражданские чины, не только не увеличилось, но даже уменьшилось до 2 чел. (9 %). Вместе с тем 3 (14 %) выборных чиновника уже имели опыт военной службы в русской армии, получив чины прапорщика, подпоручика и поручика.

В каждом нижнем земском суде предполагалось наличие двух сельских заседателей. В 1783 г. среди них оказалось 4 дворян (18,2 %), 1 (4,5 %) панцырный боярин, а прочие принадлежали к крестьянам. Средний возраст оставил 40,6 лет, что неудивительно в силу диапазона от 20 до 78 лет. В 1794 г. ситуация по сословному составу изменилась кардинально: 13 чел. (72 %) из 18 выявленных списков заседателей являлись дворянами, 1 – выходцем из духовенства и только 4 чел. (22 %) относились к крестьянам. Средний возраст равнялся 39,7 лет. Сельские заседатели не имели ни чинов, ни опыта государственной службы.

Если говорить о секретарях, то за 1783 г. сведения о сословном происхождении оказались в 10 формулярах из 11. На этой должности доминировали дворяне, поскольку лишь 1 (10 %) секретарь происходил из священнических детей. Интересно, что 7 (70 %) из 10 определили себя через принадлежность к шляхте. Показательно, что только 2 чел. (18,2 %) являлись помещиками, для прочих основным источником существования являлась служба. Из земельных собственников один секретарь принадлежал к мелкопоместным дворянам, а второй – среднепоместным, но такой имущественный статус ему можно присвоить с учетом крепостных его отца. Средний возраст начальников канцелярий нижних земских судов равнялся 29,5 лет. Никто из них не успел выслужить чины и не имел опыта военной службы. Спустя 11 лет все секретари принадлежали к дворянству, причем 2 чел. (18,2 %) являлись мелкопоместными владельцами, а 1 владел землей без крестьян. При этом лишь 4 (36,3 %) из 11 описали свое сословное происхождение, используя термин шляхта. Средний возраст составил 35,3 года. Уже 3 (27,3 %) секретаря имели чины, выслуженные ими на службе.

Вся черновая делопроизводственная работа в канцелярии выполнялась канцеляристами и копиястами, которые нанимались на суммы отпущенные на содержание канцелярии. В состав канцелярских служителей входили канцелярист и 2 копияста. В 1783 г. в их сословном составе также преобладали потомственные дворяне – 26 чел. (78,8 %), причем 18 (69 %) из них указаны как представители шляхты. Такое представительство сказалось на имущественном положении: 4 чел. (12,1 %) были мелкопоместными владельцами, за каждым из которых имелось не более 21 души; 2 чел. (6 %) указали землю в собственности. Кроме того, среди служителей оказалось 2 (6 %) мещанина, 2 (6 %) выходца из духовенства, а в трех случаях (9 %) в формуляре указывалось лишь, что его обладатель «не был прежде в службе». Как правило, канцелярские служители были молодыми людьми, поскольку их средний возраст равнялся 24,3 лет. Никто не имел классных чинов. Сословное представительство существенно не изменилось и в 1794 г. В частности, 23 чел. (71,9 %) из 32 принадлежали к дворянству, причем 9 чел. (39,1 %) описали себя как шляхта. Не изменилось и число помещиков: все четверо (12,5 %) являлись мелкопоместными собственниками, самый состоятельный из которых владел 15 крепостными. 3 чел. (9,4 %) происходили из духовенства,

3 (9,4 %) – из купеческих детей и столько же были представителями мещанского сословия. Средний возраст равнялся 24,5 лет. Классных чинов канцелярские служители не выслужили.

Анализ состава городничих за 1783 г. показал, что 5 чел. (62,5 %) относились к потомственным дворянам, 1 происходил из штаб-офицерских детей, 1 – из обер-офицерских детей и 1 из дворовых людей. Поскольку все они выслужили чин секунд-майора в русской армии, то де-юре относились к дворянам. Каждый четвертый городничий оказался либо уроженцем Речи Посполитой, поскольку в одном из формулярных списков значилось «из польского шляхетства», а во втором – «польской нации и шляхетства» [3, л. 271]. Их средний возраст равнялся 52,3 года. Половина городничих были мелкопоместными владельцами, причем один из них – городецкий городничий Н. Лаврентьев «из дворовых людей фельдмаршала князя И.Ю. Трубецкого» [3, л. 344] – приобрел 1 душу в Смоленском уезде. Поскольку больше 27 ревизских душ за каждым городничих не числилось, то можно заключить, что служба оставалась для них основным источником дохода. В сохранившихся 7 формулярных списках городничих за 1794 г. указывалось лишь дворянское происхождение. Все они получили опыт службы в русской армии, имели классные гражданские (2 чел. – коллежский и надворный советник) и военные (5 чел. – секунд-майоры) чины. Их средний возраст составил 50,6 лет. По сравнению с 1783 годом изменилось имущественное положение: 6 из 7 являлись помещиками, причем 3 относились к мелкопоместным собственникам, которые имели от 1 до 21 рев. души. Еще 2 были среднепоместными владельцами, один из них владел 287 крепостными, а другой – 401 ревизской душой. В одном случае число крепостных крестьян не указывалось. Наконец, дризенский городничий И.П. Веслау имел в своем услужении одного дворового. Среди городничих не оказалось ни одного местного уроженца.

При городничих действовала канцелярия, в которой числились канцелярист и копиист. Всего сохранилось 14 (87,5 %) формулярных списков за 1783 г. По сословному происхождению 4 чел. (28,6 %) являлись дворянами, 2 (14,3 %) – подьяческими детьми, 1 чел. (7,1 %) был из мещан, 1 (7,1 %) – из солдатских детей, но больше всего канцелярских служителей (5 чел. – 35,7 %) оказались представителями духовного сословия. В одном случае сведения в формуляре отсутствовали. 6 чел. (43 %) безусловно являлись местными уроженцами. Один канцелярист оказался мелкопоместным владельцем, отец которого имел за собою 9 душ. Трое (21,4 %) канцелярских служителей проходили службу нижними чинами в русской армии. Средний возраст оказался 29,3 года, причем диапазон в возрасте колебался от 18 до 50 лет. Из сохранившихся за 1794 г. 13 (81,3 %) формулярных списков канцелярских служителей следовало, что большинство из них составляли выходцы из мещанства (7 чел. – 53,8 %), 2 (15,4 %) – из дворянства, 1 (7,7 %) – из духовенства, 1 – из канцелярских служителей, 1 – из купеческих детей. В одном случае данные восстановить не удалось. Копиист С. Левицкий при себежском городничем оказался мелкопоместным владельцем, имевшим 6 душ за отцом. Средний возраст составил 28,1 лет. Только один имел опыт армейской службы. При этом никто еще не выслужил классных чинов. По прямым признакам можно уверенно утверждать, что 46 % являлись местными уроженцами.

Таким образом, анализ формулярных списков полицейских чинов Полоцкого наместничества показал, что в уездной полиции в правление Екатерины II на всех категориях должностей большинство составляли местные дворяне. Если на постах исправников и заседателей все являлись помещиками, то на иных должностях, в том числе канцелярских служителей, доминировали беспоместные дворяне. Вместе с тем просматривается тенденция по увеличению доли мелкопоместных владельцев на выборных должностях. Показательно, что по мере длительности пребывания в составе империи заметно сокращается процент лиц, идентифицировавших себя как «шляхту», а все более распространенным становится описание своей сословной принадлежности посредством термина дворяне. Можно констатировать наличие осознания принадлежности к региональному дворянству сообществу, поскольку практически треть всех исправников и заседателей при описании своего происхождения использовали прилагательное «белорусский». Подавляющее большинство выборных чинов не имели опыта государственной гражданской и военной службы в империи, причем ситуация остается практически неизменной до конца правления Екатерины II. Напротив, начальники городских полиций – городничие – являлись в большинстве своем дворянами из внутренних и прибалтийских губерний, служившими в русской армии. Показательно, что среди канцелярских служителей дворяне оказались в заметном меньшинстве, причем в 1783 преобладали выходцы из духовенства, а в 1794 – из мещанства.

1. Высочайше утвержденный штат Могилевского наместничества // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XX. – № 14692.
2. Высочайше утвержденный штат Полоцкого наместничества // ПСЗРИ. – Собр. 1. – Т. XX. – № 14693.
3. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2567. Оп. 1. Д. 65.
4. НИАБ. – Ф. 2567. Оп. 1. Д. 209.